

СОВРЕМЕННОЕ, СЕГОДНЯШНЕЕ

ной шутки, о том, что смех — могучее оружие воспитания зрителя.

ВЕСЕЛОЕ искусство оперетты поселилось в Свердловске еще в тридцатых годах, когда строился «Уралмаш». С тех пор оно стало верным и добрым спутником строителей нового Урала. Нетрудно понять, почему этот молодой, талантливый коллектив превратился в один из ведущих опереточных театров страны, почему и по сей день его называют «лабораторией советской оперетты». Атмосфера бурно поднимающегося индустриального Урала захватила и замкнувший мирок оперетты, направила поиски молодого коллектива, заставила его пересмотреть законы старой опереточной сцены. Каноны эти вдруг потеряли свою устойчивость.

В утверждении нового героя видел Свердловский театр музыкальной комедии свою творческую программу, и эта принципиальная и последовательная программа стала источником его удач, его традиций и «репутации». Не раз приезжал театр на гастроли в Москву, и каждый его творческий отчет перед зрителями столицы был посвящен новым советским произведениям. В этом свердловчане верны себе и сегодня. Но есть у театра и немало забот, связанных с особыми трудностями создания опереточного репертуара, с недавней сменной режиссуры, с приходом новых актеров, которым еще нужно искать общий язык с прославленными «стариками». Словом, есть у театра трудности роста.

Первым экраном идет у свердловчан новая оперетта Юрия Милютин «Анютины глазки» (пьеса Ян. Зисканда), поставленная режиссером В. Курочкиным. Вступает увертюра, и с первых же ее тактов мы узнаем Милютину, его

напевность, юмор, особое, чисто «милютинское» чувство жанра. Остроумные находки есть и в пьесе. Когда речь идет о «Дуське Шартрез», содержательнице меблированных комнат «Мимоза», которую так остро и насмешливо играет М. Вискс, или «Эллен Кургузь», хозяйке ателье, именуемой в просторечии Лелькой Кургузовой, когда, пародируя старую салонную оперетту, на сцену вылезают «факельщики» в цилиндрах, когда в пестром калейдоскопе кружатся купчихи и франты, шпики и репортеры, транжиры, половые и городовые, узнаешь старую дореволюционную Москву, чуть расцветшую опереттой. Но пьеса претендует на большее.

Первыми среди ее действующих лиц названы студенты Московского университета Алеша Карташев и Дима Бушуев. Мы и видим их, молодых людей в тужурках и бакебардах, состоящих в дружбе с хорошенькой дочкой прачки Анютой. Кроме того, студенты приносят пароли явок, ведут конспиративные разговоры и проводят за нос глупого и наглого шпика Игнатия Лукишкина Увы, все это чистейшая бутафория. Хорошо, что авторы ищут положительных героев, что они стремятся говорить в своей оперетте о настоящих людях, о большом и важном, что им кажется малым «шутить, и все шутить»... Но назвать героев, обозначить тему — этого отнюдь не достаточно. Член городской думы и владелец похоронного бюро «Милости просим» Терентий Кузькин в исполнении великолепного артиста А. Маренича — это же целый мир прошлого, и смешной, и жутковатый, и отвратительный, и жалкий. Самодовольная дура, разодетая до

рыби в глазах купчиха Колокольцева, — ведь и в этой зарисовке артистки В. Валенты угадывается живой и достоверный прообраз. Но революционеров в спектакле нет! И чем длиннее тягучие разговоры «подпольщиков», тем резче контрастируют они с яркими, игровыми сценами спектакля. Тем беспощаднее обнажается разрыв между тем, что в «Анютины глазки» удается театру и что остается нерешенным.

Поиски современных примет жанра, новых его законов, новых возможностей — это сложный процесс. В «Сердце балтийца», новом произведении К. Листова, написанном им вместе с драматургами Е. Гальпериной и Ю. Анненковым, ставится вопрос большого морально-этического значения. Здесь есть настоящий конфликт, но как вяло решает его свердловский театр, как старательно стирает все острые углы пьесы!

По-разному понимают жизнь Павел Горновой и Славка Селиванов. Не в пример скромному и глупокому Горновому, Славке хочется признания, риска, легко дающейся дружбы, ни к чему не обязывающей любви. Скажут, не опереточный конфликт. Опереточный, если увидать его сквозь призму жанра, если подобрать к нему точный ключ. Но ключ этот не всегда находят авторы. Страдает из сцены в сцену влюбленная в Славку Маша (Н. Энгель-Утина), трагически мрачен полюбивший Машу Горновой (В. Генин). И только веселый балагур Леня Дармограй (его играет молодой, способный артист В. Сытник) да «салажонок» Алеша Куницын (и эта роль нашла талантливого исполнителя О. Долголетова) напоминают нам о жанре, о силе доброй и ум-

Зато на «Ста чертах и одной девушке» зрителю весело! В оперетту пришел Тихон Хренников, словно рожденный для этого озорного, жизнелюбивого искусства, и вот перед нами «черти», жуликоватые сектанты, попавшиеся на зубок острого опереточного памфлета (автор пьесы Е. Шагуновский). Г. Кугушев поставил этот спектакль размашисто, сочно, броско, разоблачая одних, романтизируя других, смеясь и утверждая. Вместе с режиссером смеется и талантливый художник Э. Гельмс, изображая сектантскую мошленно как мешанскую смесь семи фарфоровых слоников и ультрамодных торшеров. На «Ста чертах» радуешься и замечательной хренниковской музыке, и отличным актерским работам, и выдумке балетмейстера А. Поличкина, сумевшего противопоставить бесноватому сектантскому веселью ясный и светлый мир народных танцев. В этом спектакле находит себя талантливая Н. Энгель-Утина, играющая Степаниду, снова блистает А. Маренич, создавший острый и злой образ Агафона.

Свердловский театр открыл свои гастроли «Вольным ветром» И. Дунаевского. И в «Севастопольском вальсе» театр видит сегодняшнее, современное. Мы — за эти поиски. Но отбирая все то лучшее, что создается сегодня опереточными авторами, не всегда находит театр действенные и увлекательные решения пьесы, не всегда чувствует ее людей, ее характеры. Да, у театра немало забот. И главная из них — создание образов живых людей. Театр нащупывает дорогу к современному в оперетте.

Л. ЖУКОВА.

ИЗВЕСТИЯ
МОСКВА
14 АВГ 1964